

ПОСТМОДЕРН И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Волков Владимир Николаевич

доктор философских наук, профессор кафедры управления,
социально-культурной деятельности и туризма Академии
переподготовки работников искусства, культуры и туризма

Аннотация. В европейских языках модерн — обозначение исторического периода, начало которого обычно связывают с Новым временем. Когда мы используем терминологическую пару модернизм/постмодернизм, то «постмодернизм» предстаёт в качестве некоего проекта или программы, противостоящей «модернистскому» проекту. Подобная трактовка постмодернизма противоречит, однако, его основной интенции, а именно: воздержанию от построения каких-либо программ вообще. Постмодерн — этап, который имеет свою историческую локализацию и свои исторически обусловленные характеристики экономического, социального, политического, культурного, научного происхождения. Рубеж между модерном и постмодерном — фаза завершения проектов модерна, в которой окончательно складывается индустриализм и за которой наступает эра постиндустриализма, постмодернизма или окончательное прощание с традиционными основами устройства общества. Префикс «пост» указывает на переходный период, в котором мы живём.

Ключевые слова. Модерн, постмодерн, реальность, истина, глобализация, мобильность, потребление, Просвещение, прогресс.

Введение

Объект критики постмодернизма — Просвещение, основная цель — смещение, «деконструкция», отказ от его основных идей и проектов — познания истины и объективной реальности. В эпоху постмодерна становится доминирующим представлением о том, что «видимость ценнее скучной

реальности и нет никакой последней Реальности, а есть лишь игра разнообразных видимостей, так что следует забыть о самом различии между реальностью и видимостью, поскольку величие человека в том, чтобы предпочесть блистательную эстетическую видимость серой реальности»¹.

Постмодерн как эпоха, время отсчёта которой принято вести с 80-х гг. XX в., характеризуется переходом от фордизма к постфордизму, социально-политическими изменениями, проявившимися в трансформации классовой структуры обществ, политической реорганизации, утверждении и эволюции модели государства всеобщего благосостояния, сменой основ организации культурной составляющей, которая нашла своё отражение в эстетизации повседневной жизни, создании индустрии массовых развлечений и т.п. Модернистские идеалы либерализма и социализма быстро разрушаются, а разум и свобода сочетаются с пассивностью и конформизмом.

Глобализация

Важнейшим фактором современной жизни является глобализация — универсальное распространение однородных культурных образцов и постепенное создание единой глобальной системы экономики и социального управления, неизбежно игнорирующее национальные традиции и местные особенности. Информация, товары, услуги, одежда, мода, продукты питания и кухня — всё это незаметно, но настойчиво трансформируется по единому образцу, универсальному шаблону. Глобализация превращает земной шар в глобус, в сферу пространственных потоков, интегрирующих людей и экономики. Поверх государственных границ возникают совершенно неожиданные формы жизни, общности, личные контакты, измеряемые международными сообщениями, туристическими поездками, телефонными звонками, обменами письмами, общением в скайпе и т.д.

¹ Жижек С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М., 2009. С. 139.

Характеризуя процессы глобализации, немецкий социолог Петер Слотердаик отмечает: «До недавнего времени для всех людей была характерна универсальная способность безмятежно игнорировать огромное число жителей за пределами их собственного этнического резервуара. Как представители рода живущих в рассеянии (и эта их фактическая диаспора даже после мировой коммуникативной революции счастливым образом остается неколебимой) люди замыкаются в своих кланах, этносах, городских кварталах, клубах и группах по интересам и неумолимо отворачиваются от тех, кто принадлежит другим единствам идентификации или действует в соответствии с иными сценариями интеграции. Тем не менее результаты глобализации со всей очевидностью свидетельствуют, что она превращает в новую норму нечто антропологически совершенно невероятное, а именно постоянное внимание к далёкому Другому, обитателю чужого резервуара»².

Результатом глобализации является утрата понятия внешнего, так на Земле всё внешнее теперь является доступным для присутствия, следовательно, внутренним. Обитаемое публичное пространство стремительно стирается, формируется представление о зависимости пространства от движения, о подчинённости пространства движению. Публичное пространство становится местом для передвижения, а не для пребывания в нём, эта территория становится «звеном, обеспечивающим транспортный поток», то есть производным от движения.

Автомобильность вынуждает потребителей всю жизнь проводить в растянутом пространстве и сжатом времени. Люди смиряются с дорожными пробками и толчеей, неопределённостью времени и опасной для здоровья городской средой только ради того, чтобы оказаться внутри автомобиля — моторизованной, приватизированной, движущейся железной клетке современности, такой домашней, удобной, движущейся капсулы, своего рода железного пузыря³. В глобальной сфере «становится всё более очевидной

² Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. 2. Глобусы. С. 990.

³ См.: Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

конечность интереса человека к человеку»⁴. Всё шире распространяются формы социального дистанцирования. Современный транспорт сокращает сенсорное общение между людьми до простейшего обмена взглядами. Развивается гражданское невнимание, то есть пребывание среди людей, но с минимальным проявлением внимания к ним.

Общество потребления

Постмодерн — это «общество потребления» (consumer society). В потреблении, выходящем за рамки борьбы за физическое существование, в различной степени участвует подавляющее большинство населения. В торговле и сфере обслуживания уменьшается роль мелких магазинов. Главную роль начинают играть крупные торговые центры и супермаркеты. Широкое распространение приобретает шопинг, который становится популярной формой досуга и самоцелью (когда товары приобретаются не в связи с практической необходимостью, а для некоего морального удовлетворения, «покупки ради покупок»). Появляется развитая система кредитования, банковские карточки, дорожные чеки, карты постоянных покупателей и т.п. Всё это ускоряет процесс принятия решения при покупках.

Революция в сфере коммуникаций (распространение интернета, сетей мобильной связи) приводит к образованию нового информационного пространства и расширению сферы общения. Причём доступ к этому пространству и участие в общении становятся платными услугами. Экономическая система тесно переплетается с культурой потребления. Бизнес производит такие феномены культуры, как вкусы, желания, ценности, нормы поведения, интересы. Важную роль в этом играет реклама, рекламные компании, которые проникают в самые глубокие слои сознания, — они продают не товар, а образ жизни. Конкуренция производителей порождает конкуренцию потребителей. Человек в обществе потребления стремится потреблять так,

⁴ Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. 2. Глобусы. С. 998.

чтобы, с одной стороны, быть «не хуже других», а с другой — «не сливаться с толпой». Индивидуальное потребление отражает не только социальные характеристики потребителя, являясь демонстрацией его социального статуса, но и особенности его индивидуального образа жизни.

Система кредитования превращается в основу социального контроля, когда благополучие основывается на вещах, приобретённых в кредит, и зависит от стабильного заработка. Существенно изменяется структура стоимости товаров и услуг. Зачастую в неё включается символическая цена за «торговую марку» (бренд), когда товары «известных» фирм могут стоить гораздо дороже ничем не отличающихся от них аналогов. Ускоряется темп изменений моды. Вещи обесцениваются и устаревают быстрее, чем физически изнашиваются. Их не ремонтируют, а выбрасывают. Вводится планомерная смена одних поколений вещей другими. Новые модели и марки вытесняются ещё более новыми, новейшими. В обществе потребления человек, «отставший от моды», чувствует себя символически бедным.

Знание, наука и образование

Образование, прежде всего высшее, становится платной рыночной услугой, приобретаемой в массовых масштабах. Технологии диктуют необходимость придания знанию некоего «технологичного», «машинного» характера, перевода знания на язык «информации», которую можно распространять посредством машин. Современное технологичное, операциональное знание не связано с развитием разума и формированием личности, что подразумевала, в частности, идея классического образования. Знание перестаёт быть самоцелью — оно превращается в «продукт», «предмет пользования», инструмент и т.д., становится товаром и производительной силой, производится для того, чтобы быть проданным, потребляется, чтобы обрести стоимость в новом продукте, чтобы быть обмененным. Могущество государств, как и других субъектов политической, экономической, социальной деятельности,

зависит от того, насколько эффективно используется ими операциональное, технологичное знание. Знание, которое не «технологизируется» и не способно приносить «пользу», например, философское, культурологическое, этическое, эстетическое знание, становится неактуальным, невостребованным обществом, или, по крайней мере, большинством. Изменение статуса знания влияет на систему образования, задаёт направление научных исследований, определяет политику государства в отношении науки и образования, воздействует на рынок труда, формируя спрос на определённых специалистов. Использование критериев эффективности и товарности ведёт к иному пониманию истины — она определяется через понятие полезности.

Мобильность

Одной из угроз публичной жизни городов представляется растущая индивидуализация, связанная с мобильностью. Общество атомизируется, социальные связи ослабевают, переставая удерживать людей, придавая образу жизни ощущение «лёгкости». Не случайно способность к «лёгкости» (light) стала популярным рекламным слоганом последних десятилетий. Образ жизни в стиле «light» начиная с 1990-х гг. XX века пользуется большой популярностью. Горожане движутся по жизни как лёгкие атомы. Главное преимущество эпохи постмодерна — быть мобильным, свободным от связей, «лёгким», подвижным индивидом.

Человек становится странником, путешественником — он не сидит на месте, перемещается по свету, мигрирует с целью отдохнуть, получить работу, образование и т.п. Люди вдруг начинают искать новые, ещё не обжитые, не занятые на земле, в обществе, в жизни места. Так на сцене постмодерна появляется воплощение мобильности, раздробленности, фрагментации — «турист». «Тип человека, путешествующего по миру без каких бы то ни было

деловых целей, то есть туриста, становится величиной, включённой в сценарий современности»⁵.

Экономически детерминированная мобильность современного индивида потребовала постоянной смены жилья, и это привело к его стандартизации. Ранее жилище привязывало человека к месту, облагораживанием которого становились дом, деревня и город. Люди жили ритмом, задаваемым устройством коллективной среды обитания. Их габитус определялся искусственно созданным ландшафтом и хозяйственными сооружениями, полями, дорогами, каналами и средствами передвижения. «Глобализация разрушает этот политико-культурный эффект домашности; многие граждане современных национальных государств, находясь у себя дома, уже не ощущают себя у себя самих, а находясь у себя самих, уже не чувствуют себя дома»⁶. Сегодня происходит детерриториализация человека, он превращается в номада, кочевника.

Ещё на рубеже XIX-XX вв. освоение культуры понималось как процесс обучения, опирающийся в первую очередь на знание истории. Воспитание и образование, построенные на усвоении некоторого перечня произведений, признанных эталонными, рассматривались как единственные возможные пути для приобретения хорошего вкуса, который являлся гарантом эстетического наслаждения. При этом возможность созерцать подлинные произведения искусства, разбросанные по всему миру, по прежнему оставалась привилегией избранных. Общение с подлинником было доступным только для должным образом подготовленного зрителя, в противном случае, эстетический акт не мог состояться. Иначе говоря, эстетическое переживание было обосновано определённым дискурсом.

В XX веке, несмотря на высокий уровень развития технических средств воспроизведения, роль подлинника не только не уменьшается, но даже фетишизируется. Однако, дискурс, лежащий в основании функционирования индустрии наследия, принципиально отличается от эстетического. Решающее

⁵ Слотердаик П. Сферы. Макросферлогия. Т. 2. Глобусы. С. 844-845.

⁶ Там же. С. 1006.

значение в процессе потребления культуры приобретает не получение эстетического удовольствия, а доступ к информации. Осознавая свою осведомлённость, человек получает удовольствие. Отсюда столь распространенные атрибуты туризма как фотографирование на фоне «достопримечательностей», посещение «памятных мест» и рассылка открыток и фотографий друзьям и знакомым во время поездки.

От духа к телу

В эпоху постмодерна процесс коммерциализации затрагивает физкультуру и спорт. Профессиональные спортивные клубы становятся производителями зрелищ и покупателями спортсменов. Доступ к занятиям физкультурой становится рыночной услугой. Разумеется, классическое восхищение направленным временем, скоростью, ускорением и напряжением не исчезает, оно сохраняется, особенно в зрительских видах спорта, освещаемых в СМИ. Но широкое распространение, к примеру, бега трусцой может служить свидетельством глубоких перемен в развитии культуры: бег перестает служить исключительно созданию продуктивного напряжения и превращается в технику освобождения от стресса. «Стресс преследует современный мир и кажется тёмным двойником футуристического восхищения временем: нет времени, нет времени, нет времени! Это особенно заметно в состязательных видах спорта, которые становятся основной областью производства стресса, наряду с промышленным трудом и школьным образованием. От восхищения олимпийским *citius* (быстрее!) к стрессу, от временной динамики к её обратной стороне, болезни: таков путь спорта. В этом смысле бег трусцой и другие подобные явления, скорее, лучше считать антиспортом: они создают вневременные островки в современной жизни»⁷.

⁷ Эйхберг Х. Социальное конструирование времени и пространства как возвращение социологии к философии // Логос, 2006. № 3. С. 79.

Современность заменила ходьбу практикой сидения повсюду, от стула до кресел в роскошных автомобилях. Выглядеть молодым и здоровым, непьющим и некурящим становится «модно», особенно среди элиты. Появляется так называемая «индустрия красоты». Широкое распространение получают омолаживающие процедуры и пластические операции, формируются свои разработанные образы наслаждения природой, поддержания здоровья, хорошего самочувствия, потребность соответствовать канону красоты, совершенства, здорового образа жизни. На этом фоне быстро распространяются чудодейственные рецепты похудения, лечения болезней, сохранения формы. Беговые дорожки спортивных залов, бассейны, сауны, массажные салоны часто рассматриваются как средства зарядки энергией измотанных и «утративших форму» работников.

Появился совершенно новый опыт пространственных приключений. Бег трусцой, скейтборд и роликовые коньки проникли на территорию городов и оккупировали её как на поверхности, так и в подземках, а альпинизм завоевал городскую среду в вертикальном направлении, используя внутреннее устройство фабрик или внешние фасады офисных башен. Некоторые виды деятельности нового типа повторяют лабиринтообразную организацию пространства, в котором участник движется по кривой, подобно тому, как граффити на стенах отражают непаноптическую иконографию. В то же самое время возник новый интерес к классическому лабиринту. В отличие от прямых линий бега, лабиринт, по-видимому, рассказывает телесную историю, которая связана с “постсовременной” странностью и с компьютерными “бродилками”, влияющими на социализацию детей в информационном обществе.

Новая феноменология события, прерывистое время СМИ, лабиринтообразные и ризоматичные структуры пространства и общества показывают, что сложившиеся тенденции современности больше не могут оставаться стабильными. Увеличение скоростей, сокращение расстояний обусловили эффект так называемого «сжатия мира». Сегодня можно за один день облететь всю планету. С помощью телефона, факса, электронной почты и

видеоконференций трансконтинентальная коммуникация происходит мгновенно. В условиях глобализации мы живём в «глобальной деревне» («global village»). Паноптикон как средство надзора за действиями и обществом был основан на всеобщем контроле и дисциплине. Глобализация разрушает эту прозрачность всеобщего учёта и контроля. Отсутствие надзора представляет собой не только философскую идею, но также телесную практику и пространственный опыт. В связи с этим защитники модерна и критического разума (например, Юджин Хабермас) сетуют на наступление «новой непрозрачности».

Содержание “прогресса” всегда было противоречивым и спорным, но даже (правые) “консерваторы” или “реакционеры” не оспаривали его, призывая только “замедлить” бег, вернуться к исходной точке или предлагая свои проекты “подлинного прогресса”. Только к 1970-м годам, особенно после доклада “Пределы роста”, опубликованного Римским клубом, западные общества не могут больше использовать термины, вроде “прогресса”, без иронии, без оговорок или без обсуждения его странной относительности: “прогресс” стал теперь фикцией.

Ещё недавно идеальной схемой организации и визуализации общества была «пирамида». С одномерной «вертикальной» ориентацией, классификационной структурой и паноптической ясностью контроля, она образовала основу для понимания индивидуальной «карьеры» и коллективного «прогресса». Малая “пирамида” для трёх победителей в спортивных состязаниях, по сути, повторяет универсальную бюрократическую иерархию олимпийского спорта. Идеальные иерархии фашистских партий и капиталистических предприятий, несомненно, следовали той же схеме, и даже «социалистические» общества представляли себя в виде «пирамид» (октябрёнок — пионер — комсомолец — член КПСС — член Политбюро ЦК КПСС — Генсек). Падение “пирамид” в спорте и обществе означает не столько движение к новым “пирамидам”, сколько переход к “ризомной” и “лабиринтообразной” моделям социальности. Социологи начали обсуждать “конец общества труда”. На самом деле решающее значение здесь имеет

социально-телесное сознание относительности и фиктивности современной “карьеры”.

Сдвиг к постматериальным ценностям

Американский социолог Рональд Инглхарт показывает, как экономические изменения могут приводить к появлению специфических ценностей постмодерна⁸. Он отмечает, что на протяжении истории большинство людей было прежде всего озабочено угрозой суровых экономических лишений, а то и голода. Однако исторически беспрецедентная степень экономической безопасности, какую узнало послевоенное поколение в индустриальных обществах, вела к постепенному сдвигу приоритета от «материальных» ценностей (когда упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни). В постиндустриальный период высший приоритет имеет качество жизни, свобода индивидуального самовыражения в противоположность нормам индустриального общества с их нацеленностью на дисциплину и самоотвержение. Сдвиг к постматериальным ценностям представляет собой лишь одну компоненту широкого культурного сдвига, включающего в себя целый набор разнообразных ориентаций, от религиозных воззрений до сексуальных норм; но все они коррелируют с постматериальными ценностями. Эта перестройка мироотношения и обозначается социологом как «постмодернизация».

Инглхарт отмечает, что до недавнего времени человек существовал в условиях негарантированности выживания. Возникшие после второй мировой войны явления экономического чуда вместе с государствами благосостояния открыли новый этап истории и в конечном счете проложили путь возвышению ценностей постмодерна. Реальный душевой доход в большинстве индустриальных обществ увеличился в несколько раз по сравнению с довоенным

⁸ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6-33.

доходом. Экономический «пирог» стал намного больше; одно это могло бы способствовать большему чувству экономической безопасности. Ведущей общественной целью процесса модернизации явился экономический рост. Переход от доиндустриального к передовому индустриальному обществу увеличил среднюю продолжительность жизни с 35-40 до 75-80 лет.

Инглхарт приходит к выводу, что «постмодернизация представляет собой сдвиг в стратегиях выживания. Она движется от максимизации экономического роста к максимизации выживания и благополучия через изменения образа жизни. После того как некогда стала возможной индустриализация, модернизация сконцентрировалась на быстром экономическом росте как наилучшем способе максимизации выживания и благополучия. Но никакая стратегия не является оптимальной на все времена. Модернизация ознаменовалась потрясающим успехом в деле увеличения продолжительности жизни, но отдача от неё в передовых индустриальных странах стала уменьшаться. Акцентируя конкуренцию, она уменьшает риск голода, зато приводит к нарастанию психологического стресса. С переходом от модернизации к постмодернизации траектория перемен сдвинулась от максимизации экономического роста к максимизации качества жизни»⁹.

Одной из характерных особенностей постмодернизма является то, что сама постмодернистская парадигма по природе своей выступает разрушительницей любых парадигм, ибо в основе её лежит осознание множественности, локальности и темпоральности действительности, лишённой какого-либо субстанциального основания¹⁰. Истинам относительно «человека», «сознания», «разума», «цивилизации», «прогресса», «личности», «морали» предъявлено обвинение в интеллектуальной и нравственной несостоятельности. Повсюду в интеллектуальной среде воцаряется пафос разрушения общепринятых

⁹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 32.

¹⁰ Тем не менее, считает П. Слотердаjk, «на современных теориях и теориях современности все ещё лежит длинная тень субстанциального мышления, которое не испытывает особого интереса к акцидентальному. Презрение к несубстанциальному и по сей день определяет тематику академической философии, в которой продолжает давать знать о себе древнейшая инерция» (Слотердаjk П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 3. Пена. СПб., 2010. С. 31).

установлений, развенчания притязаний, подрыва верований, разоблачения видимостей, отказа от сущностей и субстанций.

Постмодерн скрещивает культуру с коммерцией, с потреблением, раскрепощает и освобождает инстинкты. Новое поколение культурных мутантов характеризует безразличие и разобщённость, оно выпадает из истории и не интересуется ею. Если модерн серьёзен, то постмодерн ироничен, его философии свойственна «грубовато-добродушная толерантность и мягко-рекомендательный дух американского прагматизма».

Одним из авторов, разработавших целостную концепцию постмодерна, является американский культуролог Фредерик Джеймисон¹¹. Он видит преемственность между модерном и постмодерном и рассматривает постмодернизм как новую логику культуры, порождённую поздним капитализмом. Постмодерн, с его точки зрения, это капиталистическое общество, обладающее важными культурными особенностями, не свойственными более ранним формам капитализма, например, такими как отсутствие глубины, поверхностный взгляд на мир, ослабление эмоций, утрата историчности, преобладание воспроизводящих, а не производящих технологий.

По его мнению, в обществе постмодерна на смену отчуждению, описанному Марксом, приходит фрагментация, когда социальная среда и сам человек как бы распадаются на части, лишаются качества целостности. Поскольку человек становится фрагментированным, его чувства также фрагментируются, не охватывают его личность целиком. На смену глубоким чувствам приходит постоянное возбуждение, «накал», которые проявляются, в частности, в поиске развлечений, в увлечённости чем-то новым, в жажде информации.

Постмодерн — не просто эстетический или гносеологический разрыв с модерном, но культурный знак новой стадии в истории господствующего способа производства. Джеймисон указывает на стремительное технологическое развитие современной электроники и на её лидирующую роль в инновациях и

¹¹ Jameson F. Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Duke University press, 1991.

получении прибыли; на организационное господство транснациональных корпораций, выводящих производственные операции за границу, в регионы с дешёвой рабочей силой; на чудовищный рост международных спекуляций; на расцвет медийных конгломератов, обретших беспрецедентное могущество по всему миру.

Во вселенной, которая очищена от природы, культура необходимо расширяется. Она становится практически сопротязённой с самой экономикой, не просто в качестве специфического базиса некоторых крупнейших мировых индустрий (теперь туризм по числу занятых является крупнейшей отраслью в мире), но гораздо глубже, в том смысле, что каждый материальный продукт или нематериальная услуга становятся считываемым знаком и годным для продажи товаром. Культура в эпоху позднего капитализма стала нашей второй природой. Если модерн черпал свои устремления и энергии из того, что ещё не было модерном, из наследия доиндустриального прошлого, то постмодерн подразумевает закрытие этой перспективы, насыщение каждой поры мира веществом капитала.

Ф. Джеймисон показывает, что основы психологического ландшафта субъекта были поколеблены великими потрясениями 60-х гг., когда в результате уничтожения основанных на обычае ограничений погибло много традиционных типов идентичности. В эпоху постмодерна разрушены и утрачены столь характерные для модерна напряжённое чувство прошлого и усиленное ожидание будущего; исчезло активное чувство истории, и как надежды, и как памяти; человек отказался от попыток знать собственное прошлое; интерес к прошлому угас, потому что человек живёт «здесь и сейчас»; прошлое предстаёт перед ним лишь как набор бесконечно перетолковывающихся текстов о былом.

Огромную приобретают технологии, связанные с распространением информации — телевидение, компьютеры, ноутбуки, мобильные телефоны, которые приводят к огромному разнообразию «культурной продукции» — образов, знаков, символов. Возникает проблема перепроизводства знаков, информационного взрыва. Культурные стили становятся смешанными,

переплетёнными, гибкими. Рушатся традиционные деления на высокую и низкую культуру, на элиту и массу. Электронная унификация Земли обуславливает одновременность событий по всему земному шару в качестве ежедневного спектакля. Охватывающая планету сеть транснационального капитала реально управляет системой, превосходящей возможности всякого восприятия.

Дискурсы, традиционно связанные с полем культуры, претерпели своего рода схлопывание. Ранее чётко отделённые друг от друга дисциплины — история искусств, литературная критика, социология, политология, история — стали утрачивать свои ясные границы, скрещиваясь между собой в гибридные, междисциплинарные исследования. Творчество Фуко является наиболее выдающимся примером такой неопределимой деятельности.

Классы, элита и массы

По мнению Джеймисона, поздний капитализм остаётся классовым обществом, но никакой класс внутри него не выглядит так же, как ранее. Непосредственный вектор культуры постмодерна надлежит искать в новой зажиточной страте наёмных работников и профессионалов, созданной быстрым ростом сферы услуг и спекулятивного сектора развитых капиталистических обществ. Над этим хрупким слоем маячат массивные структуры самих транснациональных корпораций — масштабный автоматизированный механизм производства и власти, чьи операции пронизывают мировую экономику и определяют её репрезентацию в коллективном воображаемом. Внизу ослабляются традиционные классовые формации и в то же время умножаются сегментированные идентичности локализованных групп, обычно сформированных на базе этнических или половых различий.

Резкое горизонтальное расширение системы с первой за всю историю интеграцией в мировой рынок практически всей планеты подразумевает появление на мировой сцене новых людей, чьё человеческое значение неуклонно

повышается. Авторитет прошлого, постепенно ослабевающий под прессом западных экономических инноваций, с другой стороны, катастрофически падает в результате демографического взрыва в третьем мире, когда новые поколения живых начинают превосходить в численности легионы мёртвых. Это расширение границ капитала неизбежно опустошает запасы унаследованной культуры. Результатом является характерное падение «уровня» культуры в условиях «восстания масс», о чём писал ещё Хосе Ортега-и-Гассет.

Культура модерна была неизбежно элитарной — произведённой изолированными изгнанниками, недовольными меньшинствами, бескомпромиссным авангардом. Культура постмодерна, указывает Джеймисон, куда более протонародна. Игнорирование границ между искусствами было обычным делом для неуступчивой традиции авангарда. Но исчезновение барьеров между «высокими» и «низкими» жанрами в культуре в широком смысле этого слова следовало совершенно иной логике. С самого начала её направленность была однозначно популистской. В этом отношении постмодерн был отмечен новыми моделями производства и потребления¹². Время великих шедевров и индивидуализма модерна прошло. Нормы гениальности стали анахроническими. Возникло новое отношение к рынку — культура становится комплементарной, а не антагонистической по отношению к экономическому порядку. Именно в этом укоренена сила постмодерна. Если модерн в эпоху своего расцвета никогда не был чем-то большим, чем анклавом, то постмодерн теперь обладает гегемонией. Это не значит, что он покрывает всё поле культурного производства, но эта гегемония не локальна, она является доминирующей и распространена достаточно широко.

Уход в небытие аристократии, исчезновение буржуазии, эрозия идентичности и уверенности рабочего класса радикально изменили идентификацию и идентичность. В постмодернистский период появились новые полюсы идентификации: пол, раса, экология, сексуальная ориентация, региональные или континентальные различия. Постмодерн, возникший в начале

¹² См.: Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства. М.: Канон+, 2012.

70-х годов, означал разрыв с послевоенной моделью капиталистического развития. Фордизм, подорванный растущей международной конкуренцией, падением прибылей корпораций и ускоряющейся инфляцией, погрузился в запоздалый кризис перепроизводства. Ответом стал новый режим «гибкого накопления», при котором капитал стал расширять пространство для манёвра по всем позициям. Именно эта неуёмная спекулятивная система стала экзистенциальным базисом для различных форм постмодернистской культуры, чья реальность и новизна не может быть поставлена под сомнение — чувственность, тесно связанная с дематериализацией денег, мимолётностью моды, избытком подделок в новых экономиках.

Американский социолог Перри Андерсон, рассматривая истоки постмодерна, вынужден констатировать, что буржуазия как класс, обладающий самосознанием и моралью, практически исчезла, в общем и целом она принадлежит прошлому. «Место надёжного амфитеатра занял теперь аквариум подвижных, мимолётных форм — проектировщики и менеджеры, аудиторы и коменданты, управляющие и биржевые дельцы современного капитала: функции вселенной денег, которые не знают социального постоянства и стабильной идентичности»¹³. Долгое время социологи говорили об обуржуазивании рабочего класса на Западе, но термин этот совершенно не подходит для рассматриваемого процесса. Американский социолог Перри Андерсон отмечает, что «в 90-е годы куда более ярким феноменом стало *encanaillement* (опрошение, огрубление) имущих классов, причём весьма своеобразное: принцессы-старлетки и хамоватые президенты, сдача на ночь официальных резиденций и чёрный пиар, диснеификация протокола и тарантизация практик, не поймёшь, то ли жадный сброд из ночной подворотни, то ли президентская гвардия. Подобные сцены могут многое сказать о социальном фоне постмодерна»¹⁴.

Общество риска — это термин, который появился в 1980-х для описания того, каким образом общество постмодерна отвечает на риски существования и

¹³ Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 110.

развития. Английский социолог Энтони Гидденс определяет общество риска как общество растущей озабоченности будущим (безопасностью будущего), которая порождает понятие риска¹⁵, а немецкий социолог Ульрих Бек определяет модернизацию как систематическую борьбу с опасностями и неуверенностью, индуцированными и привнесёнными самой модернизацией¹⁶. По его мнению, «модернизация подразумевает технологические рационализаторские изменения в организации труда, а кроме того, охватывает и многое другое: смену социальных характеров и нормальных человеческих биографий, стилей жизни и форм любви, структур влияния и власти, форм политического принуждения и политической активности, восприятия действительности и норм познания. Плуг пахаря, паровоз и микрочип с точки зрения научно понимаемой модернизации являются видимыми индикаторами очень глубокого, охватывающего и преобразующего всё общественное устройство процесса, в котором в конечном счёте меняются источники уверенности, питающие жизнь»¹⁷.

Постмодерн — это не анти-модерн

Итак, можно констатировать, что мы являемся свидетелями разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего очертания индустриального «общества риска». Индустриальное общество в своём победном шествии, т.е. незаметными путями нормы, через чёрный ход побочных последствий покидает сцену мировой истории. «Антимодернистский» сценарий, волнующий сейчас мировую общественность, — критика науки, техники, прогресса, новые социальные движения, — отнюдь не вступает в противоречие с модерном, а является выражением его последовательного развития за пределы индустриального общества. Общее содержание модерна вступает в противоречие с

¹⁵ Giddens A. *Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press. 1990. P. 3.

¹⁶ Beck U. *Risk Society, Towards a New Modernity*. London: Sage Publications. 1992. P. 21.

¹⁷ *Ibid.* P. 50.

омертвелостями и половинчатостями в самой концепции индустриального общества. Ульрих Бек отмечает: «К «постиндустриализму» мы уже успели привыкнуть. С ним мы связываем определенное содержание. С «постмодернизмом» всё уже начинает расплываться. В понятийных сумерках постпросвещения все кошки кажутся серыми. «Пост» — кодовое слово для выражения растерянности, запутавшейся в модных веяниях. Оно указывает на нечто такое сверх привычного, чего оно не может назвать, и пребывает в содержании, которое оно называет и отрицает, оставаясь в плену знакомых явлений. Прошлое плюс «пост» — вот основной рецепт, который мы в своей многословной и озадаченной непонятливости противопоставляем действительности, распадающейся на наших глазах»¹⁸.

Один из наиболее авторитетных аналитиков постмодерна — английский социолог Зигмунт Бауман. По его мнению, основным принципом, который объединяет модерн и постмодерн, является модернизация — стремление к разрушению всего во имя всё новых форм и институтов. В эпоху раннего, «твёрдого» модерна социальные изменения происходили по направлению слома старых массивных институтов. Им на смену приходили институты индустриального хозяйства, фордистская модель производства, при которой капитал, средства производства и рабочие неразрывно объединены и привязаны к определённым местам. Во второй половине двадцатого века текучесть становится характеристикой повседневной жизни отдельного человека. Капитал, средства производства и труд оказываются разъединёнными, что приводит к кардинальным трансформациям в понимании пространства и времени.

Общество индустриального модерна меняется, поскольку подрываются и исчезают его важнейшие основы, в частности, важнейшие классовые различия и ориентация на производительный труд и рост богатства. Вместо этого появляется всеобщая опасность, страх, неуверенность и всеобщее равенство в страхе и неуверенности. Если обозначение мира идей, выстроенных по национально-государственному принципу экономики, общества и политики

¹⁸ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С. 4.

можно назвать «первым модерном», то текучий «второй модерн», согласно Ульриху Беку, характеризуется, глобальными экологическими и экономическими кризисами, обостряющимся транснациональным неравенством, индивидуализацией, непостоянным заработком и другими вызовами культурной, политической и военной глобализации.

Постмодерн не противостоит модерну — он из него вырастает, перерастает его, уходит, отчуждается, отдаляется от него, превращается в своё иное. Этот момент в постмодерне подчёркивает немецкий философ Вольфганг Вельш, который уверен, что «самое время теперь отказаться от примитивного противопоставления модерна и постмодерна. Эта оппозиция исходила из ложного по содержанию понимания постмодерна как анти-модерна и из ложного, в отношении формы, понимания его как транс-модерна. Ни то, ни другое несовместимо с подлинной идеей и содержательным ядром постмодерна, с принципиальным плюрализмом»¹⁹.

Зигмунт Бауман предлагает говорить о liquid modernity («гибком, текучем модерне») вместо solid modernity («твёрдого, надёжного, тяжёлого модерна»)²⁰. Он отмечает, что предыдущие поколения меняли мир с целью сделать его в конечном итоге неизменным. Такова была цель построения идеального общества, в том числе и коммунистического. Мы уже знаем, что люди, утверждающие, будто знают, что такое идеальное общество, совершили много диких преступлений. Сегодня мы продолжаем менять мир, ни на что особо не надеясь. Поэтому термин «постмодерн» Бауман определяет как «модерн без иллюзий».

По его мнению, общество начала XXI века не в меньшей мере принадлежит «модерну», чем общество, вступавшее в век двадцатый; в крайнем случае — можно сказать, что оно принадлежит модерну несколько иным образом. О его принадлежности модерну можно судить по навязчивой и всепоглощающей модернизации, огромного и всеохватывающего стремления к

¹⁹ Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. №1. М., 1992. С. 17-18.

²⁰ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

творческому разрушению. Принадлежать модерну — значит быть не в силах остановиться, не говоря уже о том, чтобы стоять на месте. Свершение всегда находится где-то в будущем, а достижения лишаются своей привлекательности и удовлетворяющего потенциала, как только оказываются в руках. Принадлежать модерну — значит вечно опережать самого себя. Во всём этом между судьбами наших дедов и нашими собственными не так уж много различий.

Тем не менее, считает Бауман, два обстоятельства делают наше положение — и нашу форму модерна — новыми и отличающимися от прежних. Первое — это развенчание и крах иллюзий раннего модерна, идей о существовании конца пути, по которому мы идём, — о том состоянии совершенства, которое может быть достигнуто в будущем, — о чём-то вроде справедливого, свободного от конфликтов общества, характеризующегося состоянием устойчивого равновесия между спросом и предложением, удовлетворением всех потребностей (вспомним основной принцип коммунизма по Марксу: от каждого по способностям, каждому — по потребностям); состоянием совершенного порядка, в котором всё находится на своём месте и ничто не вызывает сомнений; состоянием полной прозрачности всех процессов и познания всего, что следовало бы понимать; состоянием полного контроля над будущим, свободным от случайностей. Второе важнейшее изменение связано с дерегуляцией и приватизацией задач и предназначения модернизации. То, что прежде считалось задачей, стоящей перед человеческим разумом, коллективным достоянием людей, сегодня разбито на части, «индивидуализировано», предоставлено мужеству и жизненной стойкости отдельных личностей, и возложено на индивидуальные возможности и способности человека.

Многие западные философы пытаются показать, что модерн в целом завершился, но пройдёт ещё много времени, прежде чем мы сможем сказать о его конце. Иначе говоря, постмодерн не есть абсолютное отрицание модерна, но, скорее, переход в новое состояние, в котором некоторые характеристики модерна претерпевают существенные изменения. Такой точки зрения

придерживается, в частности американский социолог Д. Келлнер, который считает, что в настоящее время мы пребываем в переходном периоде между увядающим модерном и наступающей эрой постмодерна²¹.

Жить играя

Петер Слотердаjk отмечает, что в эпоху постмодерна основные силы девитализации (семья, государство, армия) создают мощные идеологии ревитализации (потребительство, сексизм, спорт, туризм, культ силы, массовую культуру). Но эти массовые витализмы утратили тягу к трансцендентному: если сегодня испытывается недостаток в чём-то, то это выражается на языке посясторонних витальных благ: слишком мало денег, слишком мало свободного времени, слишком мало секса, слишком мало развлечений, слишком мало безопасности и уверенности и т.д. Когда стали говорить о том, что слишком мало смысла, вновь заявил о себе «спрос на религию», спрос, который привёл к появлению процветающих коммерческих предприятий по распродаже смысла, предприятий, которые любую бессмыслицу могут всучить как изображение пути к здоровью и процветанию²².

Традиционные образы трансцендентного блекнут и уходят, им на смену появляется множество эрзац-трансценденций: бессознательное как индивидуальный и коллективный имманентный потусторонний мир; история как сфера тёмных первоисточков светлого будущего, утраченного богатства или обещанного изобилия, как то, что придаёт нам идентичность и в то же время отнимает её у нас; космические полёты как инфантильно-технологическая и милитаристская психоделия; эротика как лабиринт, в котором блуждает множество Я, занятых поиском того Ты, в которое они могли бы «перейти»; наркотики как средство взорвать банальный континуум и отправиться в путешествие по внутренним внешним мирам; искусства как дисциплины, в

²¹ Best S., Kellner D. Postmodern Theory: Critical Interrogations. London and New-York: MacMillan and Guilford, 1997.

²² Слотердаjk П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009. С. 431.

которых субъекты могут творчески возвыситься до того, чем они «ещё не были», и уйти в царство образов, фантазий, экспрессии; одержимый рекордами спорт как попытка преодолеть повседневные границы телесного движения и возможностей тела; туризм как расширение мира, данного в опыте, и т.п.²³

В результате возникновения «массовой» покупательной способности у среднего класса наблюдается демонстративное потребление роскоши — модных изделий, продуктов питания, транспортных средств. Культ автомобиля отражает причастность всех социальных слоёв к агрессивным и зачастую саморазрушительным техникам экспансии. Огромное число людей использует свободное время для удовлетворения своих капризов, реализации своих талантов, лечения своих болезней. Внимание, умственные способности, знание инвестируются в оформление жилищ и дачных резиденций. Двигательная энергия преобразуется в спорт, музыку, туризм и многочисленные виды активного отдыха.

В этой ситуации, согласно теоретикам постмодернизма, жизнь превращается в «игру»: человек просто наслаждается жизнью во всем её многообразии, поскольку общество предоставляет ему огромное количество благ и услуг. Человек постмодерна гораздо свободнее, чем люди, жившие в более ранние эпохи. Свобода проявляется во всём: от образа мысли и способов самовыражения до передвижений по миру и отношений между полами. Однако ничем не ограниченная свобода выбора оборачивается свободой от самого себя — проблемой кризиса идентичности. Постмодерн характеризуется исчерпанностью ценностей Свободы и Прогресса и наличием системы социальных институтов, сложившихся в качестве форм реализации этих ценностей. Следствием отказа от модернистских ценностей, их неактуальности становится упадок мобилизующей и организующей силы общества как системы институтов. Упадок институционального строя отрафлексирован в социально-философской теории конца XX — начала XXI в. Наиболее ярко эта рефлексия представлена в концепции Ж. Лиотара, констатировавшего «атомизацию»

²³ Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009. С. 534-535.

социального, З. Баумана, заявившего об «индивидуализированном обществе», и Ж. Бодрийяра, провозгласившего «конец социального».

Согласно Бауману, постмодернизм возможен потому, что Свобода и Прогресс перестают быть проблемой. Рационализация общества и эмансипация индивида всё-таки состоялись, хотя результаты этих процессов неожиданны и болезненны для сознания, поглощённого модернистской идеологией: процесс реализации ценностей оказался процессом отчуждения и овеществления. В отрегулированном, автоматизированном обществе массового потребления и массовой демократии можно быть скептиком и нигилистом в отношении Свободы и Прогресса, нет нужды быть деятельным и целеустремлённым, потому что из идеологии, ориентирующей мышление на осознанный выбор целей и способов действий, свобода и прогресс превратились в элементы коллективного бессознательного, в интеллектуальные привычки и поведенческие автоматизмы. Из сферы общественного устройства свобода и прогресс перекочевали в сферу повседневности, обустройства быта. Мотивы свободы и прогресса больше не определяют выбор политического и экономического курса, но зато определяют выбор одежды, еды или косметики. Как отмечает Бауман, «ощущение свободы — это фактически вовсе не свобода. Люди могут быть довольны своей участью даже при том, что эта участь далека от того, чтобы быть «объективно» удовлетворительной; живя в рабстве, люди чувствуют себя свободными и поэтому не ощущают никаких побуждений освободиться, таким образом, отказываясь от возможности стать истинно свободными или лишаясь её»²⁴.

Заключение

Общество переопределяется. С переходом в новую эпоху, в которой ценности реализованы и потому не актуальны, то, что считается социальной структурой, социальной реальностью, утрачивает устойчивость и определённую становится эфемерным, нестабильным, парадоксальным,

²⁴ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 24.

иррациональным или вообще исчезает. Общество не исчезает, хотя перестаёт быть реальным. Поскольку существо современного общества в реализации ценностей, то образующие социальную реальность так называемые основные подсистемы «общества вообще» — политика, экономика, наука, культура — всего лишь ценностные ориентации эпохи постмодерна. Отнесение к экономике, к политике или искусству определяется вовсе не свойствами вещей, слов или поступков, а отношением к ним как жизненно важным или несущественным.

В силу того, что структура общества есть лишь ценностная рубрикация, с деактуализацией, невостребованностью ценностей общество развеществляется, становится эфемерным, абсурдным, ирреальным, но продолжает существовать. Институциональная структура перестаёт быть собственно социальной структурой, но она не исчезает. Этот парадокс объясняется с помощью понятия симуляции, введённого французским философом Жаном Бодрийяром. Ироничная симуляция институциональных образцов в постмодернистских практиках — это новый модус «бесплотного» существования общества.

Постмодерн — это переход от модерна к обществу, которое нам совершенно неизвестно. Мы находимся в состоянии хаоса, плывём по течению к неведомым берегам и не можем сказать ничего внятного в отношении нашего будущего. Это страшит и пугает. Нужно действовать на свой страх и риск, без заранее заготовленных планов, рецептов и долгосрочных программ. Никакая стратегия не является в этих условиях прочной — всё зыбко, туманно, неясно, неопределённо. Но отказ от модерна — это не просто отрицание, но и решимость действовать в ситуации неизвестности, неопределённости и непредсказуемости последствий наших действий.

Vladimir Volkov

Ph.D., professor of management, socio-cultural activities and tourism Academy of Retraining in Arts, Culture and Tourism.

Abstract. This article analyzes the different points of view on the modern and postmodern society in Western sociology. Key characteristics of rejection of modernity

and the transition to the postmodern era are: information glut caused by the development of new technologies, changes in the nature and status of knowledge, contradictions and diversity, the lack of certainty; problematize truth and reality itself; tendency to transform the knowledge, information, regardless of the cultural signs in the product, the growth of the hedonistic, consumer sentiment, the transformation of life into the game, styling, denial of the principle of the hierarchy of cultural content, freedom of choice as a given, and the consequent uncertainty and diversity of behavior. This article discusses the characteristics of postmodernism such as globalization, mobility, consumerism, the transition in science and education to knowledge use-product, the shift to post-materialist values, from classes to the masses, from the spirit to the body, from the collective progress and social vertically mobility to fragmentary, rizoma and labyrinth existence. Model of life as a feat is replaced by a model of aesthetic enjoyment of life. The conclusion arrived at by the author, is the following: post-modernity — it's not anti-modernity. Postmodernity is not opposed to modernity — it grows out of it, it grows, leaves, alienated, moving away from it, turns to its other.

Keywords. Modernity, postmodernity, reality, truth, globalization, mobility, consumption, education, progress.

Библиографический список

- Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. — 208 с.
- Бауман З. Текущая современность СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
- Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. №1. М., 1992.
- Жижек С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009. — 336 с.

- Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
- Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009.
- Слотердаик П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 2: Глобусы. СПб.: Наука, 2010. — 1024 с.
- Слотердаик П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 3: Пена. СПб.: Наука, 2010. — 923 с.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. — 576 с.
- Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства. М.: Канон+, 2012. — 408 с.
- Эйхберг Х. Социальное конструирование времени и пространства как возвращение социологии к философии // Логос, 2006. № 3.
- Beck U. Risk Society, Towards a New Modernity. London: Sage Publications. 1992.
- Best S., Kellner D. Postmodern Theory: Critical Interrogations. London and New-York: MacMillan and Guilford, 1997.
- Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press. 1990. — 186 p.
- Jameson F. Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Duke University press, 1991. — 438 p.